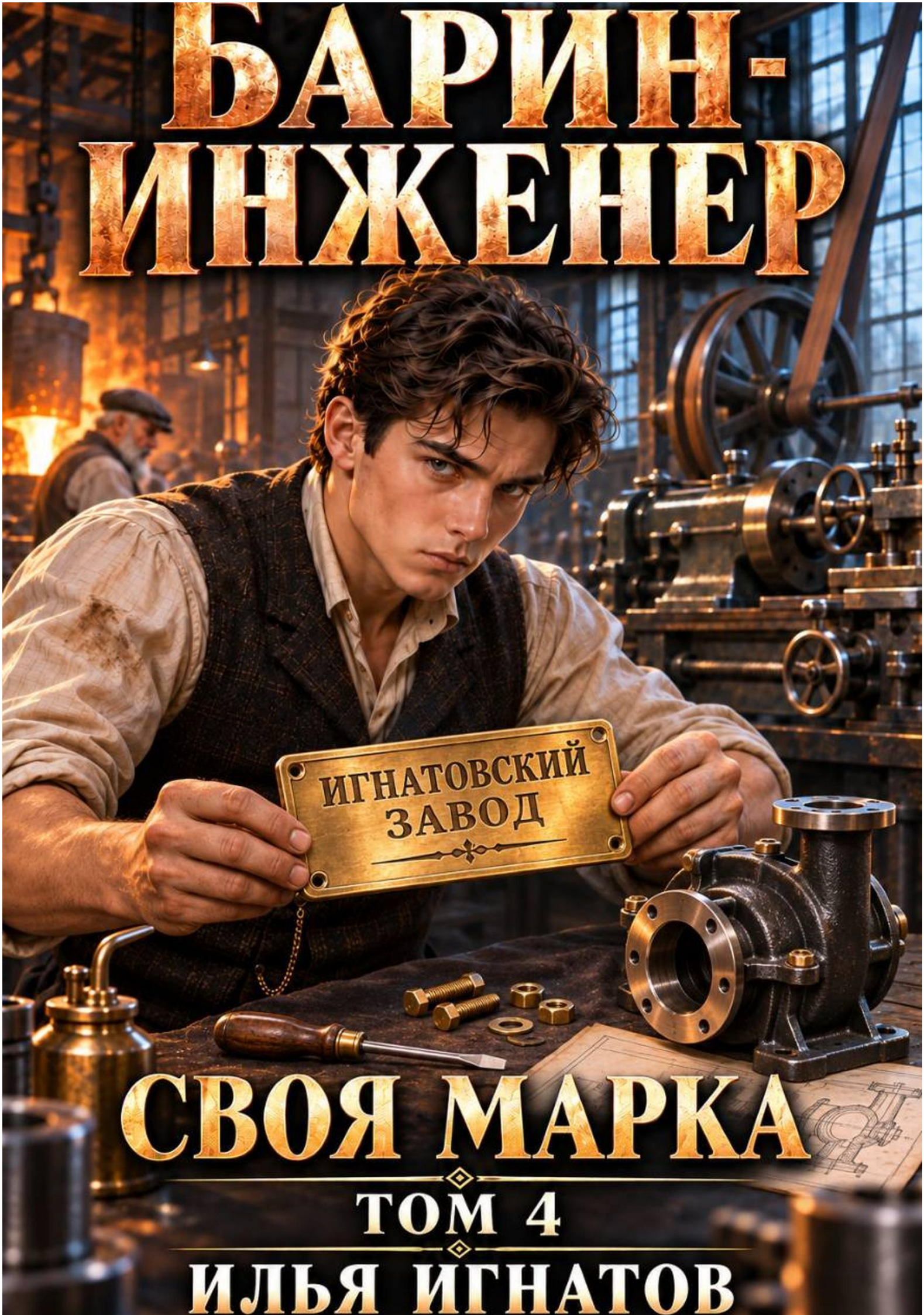
БАРИН-ИНЖЕНЕР

СВОЯ МАРКА

ТОМ 4

ИЛЬЯ ИГНАТОВ

Илья Игнатов

Барин-инженер. Том 4. Своя марка

«Автор»
2026

Игнатов И.

Барин-инженер. Том 4. Своя марка / И. Игнатов — «Автор», 2026

Игнатовский завод получает заказ на четыре насоса. Для Ивана, инженера из будущего в теле молодого барина, это возможность наладить серийный выпуск и заявить о себе под собственной маркой. На каждой машине будет стоять его фамилия.Первые насосы уже у покупателя, когда очередная проверка обнаруживает ошибку. Под сомнением оказывается вся партия. Исправление грозит сорвать сроки и съесть заработок, а заказчики присматриваются к конкурентам. Ивану предстоит найти причину и добиться, чтобы в его отсутствие завод выпускал такие же надёжные машины, как под его надзором.Тем временем приближается свадьба с Софьей. Они выбирают комнаты и строят планы, но память о другой жизни остаётся с Иваном. И пока на заводе ждут исправленных деталей, дома его ждёт разговор, который он слишком долго откладывал.

© Игнатов И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Лента с размером 5
Глава 2. Свой адрес 9
Глава 3. Два покупателя 13
Глава 4. Дерево и часы 18
Глава 5. Партия из четырёх 22
Глава 6. Место за столом 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Илья Игнатов
Барин-инженер. Том 4. Своя марка

Глава 1. Лента с размером

Ювелир посмотрел на ленту, потом на меня.

— А барышня где?

— Сейчас подойдёт.

— Тогда подождём барышню.

Я положил рядом коробочку. Мастер открыл её, взял кольцо двумя пальцами и поднёс к свету. Вчера в этой коробочке помещался вопрос, который я несколько дней не мог выговорить. Сегодня в ней лежало изделие, не соответствующее условиям применения.

— Можно по ленте, — сказал я. — Здесь отмечено.

Ювелир развернул мягкую полоску, нашёл нитку и поднял глаза.

— Вы ведь вчера уже один раз без барышни справились?

За моей спиной звякнул дверной колокольчик.

— Он хочет исправиться, — сказала Софья. — Не мешайте ему слишком сильно.

Я обернулся. Она стояла на пороге в светлой блузке, держала перчатки и улыбалась. Утро первого августа было прохладным, но за стеклом уже лежал солнечный прямоугольник. На него я успел положить локоть, и теперь пришлось отодвинуться, освобождая место.

Ювелир предложил Софье сесть. Принёс кольца для примерки, дал выбрать удобное, проверил ещё раз. Со мной он всё это время почти не разговаривал. Работать с человеком, который умел вовремя найти настоящего заказчика, было приятно даже в роли лишнего свидетеля.

— К полудню заберёте, — сказал он.

— К полудню я уеду по делам, — ответила Софья. — После трёх можно?

— Конечно.

Я уже собирался предложить зайти самому, но она посмотрела на меня.

— Вместе, Иван. Всё равно ещё раз мерить.

— После трёх, — подтвердил я.

Мастер назвал цену исправления. Я заплатил из собственного кошелька и получил маленькую квитанцию. Софья придержала мне дверь. На улице она сразу взяла под руку, словно мы каждое утро ходили исправлять помолвочные кольца.

— Расстроился?

— Из-за срока? Нет.

— Из-за меня.

Я посмотрел на неё.

— Что тебя приходится учитывать при изготовлении твоего кольца?

— Уже лучше.

Она засмеялась. У лавки женщина раскладывала на доске зелень. Козёл тянулся к связанному пучку, пока мальчишка торговался с покупательницей. Софья остановилась, показала глазами. Я успел предупредить мальчишку, но козёл всё-таки получил петрушку. Женщина заявила, что за свидетелей кормить не будет, и прогнала его веником.

До завода мы шли медленно. Я не доставал часов. Савельев знал, что первую половину утра проведёт без меня; принятые работы и обещанный Фёдору час на новую подготовку оставались в календаре. От этого почему-то сильнее чувствовалось, что у меня есть утро.

* * *

Митя увидел нас первым. Он нёс две пустые коробки, остановился у конторской двери и попытался одновременно поклониться, улыбнуться и не уронить верхнюю.

— Поздравляю, — сказал он Софье.

— Спасибо.

— И вас, Иван Алексеевич. Тоже.

— Мне, значит, во вторую очередь?

Митя покраснел. Софья забрала у него верхнюю коробку.

— В правильную. Куда несёшь?

— К Петру. Только эту ему не надо поднимать, я сам поставлю.

Он забрал коробку и поспешил дальше. Софья проводила его взглядом.

— Теперь до вечера никто работать не сможет.

Из цеха ровно доносился стук передачи. Савельев появился с деревянной накладкой под мышкой.

— Смогут. С утра уже трое поздравили друг друга и вернулись к станкам. Вы теперь тоже возвращайтесь. Осип ждёт.

Мастер остановился возле нас, поправил очки.

— Рад за вас, — добавил он совсем другим голосом.

Софья коснулась его рукава. Я пожал протянутую руку. Она была тёплой, сухой, с мелкими старыми рубцами на пальцах. Савельев смутился раньше нас, повертел накладку и сказал, что модельщику к обеду нужно обратно.

Осип разложил деревянный образец на свободном столе. Вчера мы уже смотрели его наружные очертания. Сегодня он принёс сменную вставку и старую накладку, по которой было видно, сколько металла раньше приходилось снимать.

Фёдор стоял рядом с двумя рисунками. На одном сохранилась моя июльская пометка, на другом Осип уточнил крепление. Павел вытер руки и подошёл от арендованного станка.

— Здесь тоньше будет? — спросил он.

— Лишнего меньше, — ответил модельщик. — Под зажим оставил, как Григорий Петрович показал.

Савельев поставил образец на приготовленные опоры. Дерево легло спокойно. Он показал Павлу места, за которые держал бы настоящую отливку, затем повернул к Фёдору.

Я провёл пальцем возле новой наружной линии. Ещё в июне хотелось убрать весь лишний припуск одним карандашным движением. Теперь он превратился в конкретные выступы: здесь можно держать, здесь получать первую поверхность, здесь оставить место для резца. У каждого лишнего куска железа обнаружилась своя работа. Некоторые всё же согласились уволиться.

— Пробу когда сможете залить? — спросил я.

— Четвёртого поставим, если сегодня подтвердите, — сказал Осип. — Потом у Лебедева большая очередь. Остывать оставим своим порядком. К шестому сможете смотреть.

Савельев взял свой лист.

— На шестое для подготовки час оставляли. Основную обработку седьмого. Если раньше привезут, в проход не ставьте: там уже груз будет.

— Нам этот час нужен целиком, — напомнил Фёдор.

— Тебе его и оставили.

Парень посмотрел на меня. Он не просил подтвердить распоряжение мастера. Проверял, помню ли я обещание позвать его к следующей примерке. Я придвинул ему деревянную часть.

— Покажи, как потом будешь открывать.

Мы с Осипом придержали тяжёлый образец, Фёдор расставил руки и нашёл место для снятой крышки. Павел предложил перенести небольшую опору. Савельев попробовал, качнул головой и вернул обратно: так было удобнее при сборке, но хуже при обработке. Пришлось искать положение, в котором обе работы оставались возможными.

К концу разговора на столе лежали три листа с одинаковой датой. Мне хотелось исправить ещё одну наружную линию. Я поднял взгляд на Осипа и увидел у него в руках рубанок. Он ждал, пока мы закончим менять дерево словами.

— Подтверждаем эту подготовку, — сказал я. — Дальше на пробе посмотрим.

Модельщик с облегчением собрал накладки.

* * *

Софья ждала в конторе со счётом Лебедева. За дополнительную подготовку и пробную отливку выходило сто восемьдесят рублей. Половина сейчас, половина после предъявления пробы. Отливки для будущего заказа в эту сумму не входили.

Она положила возле него ещё два листа. На одном стояли выделенные на август деньги, на другом — наши новые расходы. От июльского остатка после банковского резерва, авансов рабочим и аренды свободными оставались тысяча триста тридцать пять. Первые девяносто мы собирались превратить в дерево и чугун.

Я подписал распоряжение. Софья отметила сумму и убрала счёт.

— Теперь дом, — сказала она.

— Наш будущий?

Она подняла глаза, улыбнулась.

— Пока торговый. Наш будущий завтра посмотрим. Отец в четыре сможет.

Веденин пришёл немного позже назначенного. Извинился, снял дорожные перчатки и поставил возле стула тонкую папку. Под рукавом у него осталась полоска пыли, которую он заметил лишь после того, как протянул руку.

— Со станции, — объяснил он. — Весь город там сегодня что-нибудь получает, а у меня один человек вторую накладную ищет. Поздравляю вас обоих.

Я поблагодарил. Веденин не стал делать вид, что визит посвящён нашей свадьбе. Достал уже знакомые запросы и положил рядом уточнения.

Двум покупателям требовались насосы. На первом листе значился Сухореченский рудник, на втором — Луговой кирпичный завод. По руднику дописали сведения о приводе. По кирпичному заводу появилось красивое слово «достаточная» возле мощности двигателя.

— Кому достаточная? — спросил я.

Веденин посмотрел.

— Местному управляющему, видимо.

— Название машины есть?

— Пришлют. Но ведь вы всё равно поедете.

— Поедем, если согласуют обследование. Тогда и посмотрим.

Мы с Софьей подготовили предложение заранее: осмотр, проверка условий, заключение по возможности применения наших насосов. Сто восемьдесят рублей с каждой площадки. Дорогу и жильё выделили отдельно с пределом расходов, который следовало подтвердить до отправления. Если Н-4Р не подходит, покупатель всё равно получал заключение и объяснение, какая работа ему требуется.

Веденин прочёл цену.

— Они хотели сначала увидеть предложение на машины.

— Запросы мы видели. На первом не хватает данных о наибольшем притоке, на втором — о воде и общем подъёме. Сумму за насос написать могу. Что она им даст?

— Поймут, готовы ли покупать у вас.

Софья повернула к нему свой лист.

— По прежним поставкам можем дать ориентир состава и цены. Пригодность и окончательные условия подтвердим после осмотра. Смешивать эти два ответа не станем.

Веденин некоторое время считал. Потом спросил, кого я беру.

— Кольцова. Фёдор нужен здесь. Текущую поездку на Северную переставлять не придётся, мы её уже сверили.

Он согласился передать предложения. Если ответ придёт завтра, третьего можно выехать. Мы оставили на бумаге предполагаемые даты. Веденин попросил экземпляр для своей службы.

— И ещё, Иван Алексеевич. По этим четырём машинам у нас пока только намерение. Не начинайте корпуса на деньги, которых вам ещё не перечислили.

Я посмотрел на закрытый счёт Лебедева.

— Здесь одна проба, давно в нашей подготовке. До партии ещё доберёмся.

— Хорошо. А то у вас иногда лицо такое, будто вы уже знаете, где будет стоять шестая.

После его ухода я действительно переставил на своём черновике один будущий насос. Софья заметила и ничего не сказала. Просто положила поверх лист условий обследования.

* * *

В лавку мы вернулись вместе. Ювелир подал кольцо на мягкой ткани, подождал, пока Софья наденет его, попросил согнуть палец. Она посмотрела, сняла, надела снова.

— Теперь удобно.

Я почему-то выдохнул так, словно до этого отвечал за весь золотой запас губернии.

Мастер убрал примерочные кольца, вернул пустую коробочку. Софья оставила кольцо на руке. На улице повернула ладонь к свету, затем взяла меня за пальцы.

— Вот. Сделал.

Я кивнул. Хотел сказать что-нибудь про точный размер, но она уже видела моё лицо.

— Не надо заводской речи.

Пришлось поцеловать её прямо возле лавки. Софья засмеялась, отступила на полшага, и в этот момент мимо прошла знакомая женщина. Посмотрела на нас с таким вниманием, что к вечеру Беловск наверняка получил бы ещё одно уведомление о нашей помолвке.

Я проводил Софью до поворота. Она уехала к отцу, а я вернулся на завод закончить ответ дому. У ворот встретил Кольцова.

— Третьего едем? — спросил он.

— Если подтвердят обследование. Три дня с дорогой. Домой вернёмся пятого.

Слесарь достал карандаш, записал на сложенном клочке.

— Что взять, завтра обсудим. Успею дома сказать.

Он ушёл. Я поднялся в контору, перечитал рудничный запрос и остановился на строке: «Наибольший приток по обстоятельствам». Из всех обстоятельств, которые могли ждать наши насосы, это было самым просторным.

Я зачеркнул рядом своё предварительное слово «подходит». Подписал: «Определить на месте».

Глава 2. Свой адрес

В доме у рынка прежде нас поселилась сырость.

Она заняла угол возле пола, поднялась по обоям и оставила под рамой мутное пятно. Хозяйка объяснила, что всё высохло, а пятно просто некрасивое. Ланской попросил разрешения потрогать стену. После этого некоторое время смотрел на свои пальцы.

— Окно открывали? — спросил он.

— Каждый день.

— А зимой?

— Зимой тепло. Печь хорошая.

Я присел возле плинтуса. На узкой доске стояла вода от недавней уборки. Мне было почти удобно поверить, что дело только в ней: комнаты располагались близко к заводу, за окнами находился тихий двор, а до Марии можно было дойти за четверть часа.

Софья уже открывала вторую дверь.

— Здесь ваши вещи? — спросила она хозяйку.

В маленьком помещении стояли два сундука и шкаф без верхней дверцы. До окна приходилось идти боком.

— Уберём. Вам ведь спальня только.

— Я здесь хотела бы стол поставить.

— Стол в гостиной есть.

Софья осмотрела окно, подождала, пока Ланской подойдёт, и попросила посмотреть, открывается ли створка. Отец поднял шпингалет. Рама шевельнулась на палец и упёрлась в шкаф.

— Если всё убрать, свет будет, — сказал я.

— Утром, — ответила Софья. — Потом солнце с другой стороны. А зимой у окна сидеть холодно.

В моей голове уже успели расставиться кровать, сундук, два стула и очень удобный короткий путь на работу. Софьин стол всё это время находился где-то снаружи рисунка.

Хозяйка назвала плату ещё раз. Пятнадцать рублей в месяц без дров. При расчёте вперёд соглашалась немного уступить.

Я поднялся от стены.

— Мы ещё посмотрим, — сказал я.

— Здесь недорого. Завтра другие придут.

— Понимаю.

Она проводила нас до крыльца, всё ещё перечисляя преимущества. Самым убедительным оказалось то, что прежние жильцы жили долго. Чем они при этом дышали, спрашивать было уже поздно.

* * *

На улице Ланской вытер пальцы платком.

— Хорошо, что не взяли, — сказал он.

— Вы ведь ещё вчера предупредили, — ответила Софья.

— Предупредить легче, чем смотреть потом, как дочь зимой кашляет. Сам тоже мог начать про близкую дорогу объяснять.

Мы остановились у ограды. Во дворе напротив мальчишка в слишком длинных штанах пытался вытолкнуть обруч из канавы. Софья опёрлась ладонями о верхнюю доску и смотрела на воду.

— Что ещё есть? — спросил я.

Ланской назвал дом на Садовой. До завода дальше, зато у хозяйки сдавался небольшой верхний этаж. Он знал её через торговлю: покупала полотно и никогда не соглашалась на первый предложенный цвет.

— Звучит страшно, — сказал я.

— С моей дочерью уже знакомы. И к хозяйке привыкнете.

Софья повернула к нему голову.

— Папа.

Он улыбнулся, поправил воротник и сказал, что сегодня вряд ли успеем: хозяйка уехала, вернётся после шестого. Завтра мы с Кольцовым отправлялись в дорогу. Договорились посмотреть после возвращения, если комнаты останутся свободны.

Я достал небольшую записную книжку. Там рядом уже стояли цена кольца и первое предположение о расходах на переезд. Софья заглянула через плечо.

— Пятнадцать зачеркни. Это мы не сняли.

Я зачеркнул.

— А на Садовой?

— Узнаем. И сначала внутрь зайдём.

Ланской простился у перекрёстка. Ему нужно было к покупателю, который собирался вернуть ткань, потому что дома она оказалась другого цвета. Отец Софьи говорил об этом с таким спокойствием, что я впервые подумал: с насосными машинами торговать, возможно, всё-таки легче. Их редко рассматривают при свечах рядом с чужими занавесками.

Мы с Софьей пошли к Марии. Договорились зайти ещё вчера. Теперь я приготовился рассказывать о хороших комнатах, которых у нас не было.

* * *

Мать чистила яблоки у кухонного окна. На столе стояла пустая корзина, возле неё лежал длинный чулок, который она чинила до нашего прихода. Она выслушала историю пятна, посмотрела на Софью и положила нож.

— Значит, пока не нашли.

— Посмотрим на Садовой, — сказала Софья.

— Далеко.

— Дальше, чем у рынка.

Мария подвинула нам стулья. Я сел, взял яблоко и сразу получил распоряжение сначала вымыть. Пока стоял у таза, она спросила про дорогу. Дом прислал подтверждение: обе площадки согласовали обследование. Первую половину платы — сто восемьдесят рублей за обе площадки — перечислили через представительство; остаток полагался после передачи заключений. Дорожный предел тоже утвердили. Кольцов собирал инструмент.

— На три дня, — сказал я.

Мать посмотрела на Софью.

— А вы за эти три дня что-нибудь подпишете без него?

— По квартире не собираюсь.

— Я не только про квартиру.

Я вернулся к столу. Мария взяла следующее яблоко, срезала кожицу длинной ровной лентой.

— Ты сегодня утром сказал: мы уедем, после возвращения решим. Вчера сказал: мы будем жить отдельно. Вы правильно всё придумали. Я только иногда узнаю, когда уже осталось согласиться.

— Мама, мы ещё ничего не сняли.

— Ваня. Я слышала.

Софья молчала. Я положил яблоко обратно на блюдце.

Мать говорила без обиды в голосе, и оттого особенно хотелось объяснить, что мы никого не исключали. После моего пробуждения многое выяснялось за этим столом. Долги, потерянный заказ, ушиб, новое обещание. Теперь я принёс сюда счастливую новость и счёл, что для неё достаточно улыбки.

— Ты хочешь посмотреть комнаты вместе? — спросил я.

Мария подняла глаза.

— Хочу. Если вы хотите меня взять.

— Хотим, — сказала Софья. — На Садовую вместе пойдём. Я о вас вчера подумала, а вслух не сказала.

Мать кивнула. Снова взяла нож.

— Когда свадьба?

— В сентябре, — ответила Софья. — Мы пока число не выбирали.

Я почувствовал, как голова пытается открыть производственный календарь. Конец августа занят, в начале сентября второй выезд, потом проверка. Софья заметила моё движение к карману.

— Сейчас без него. Сначала поговорим.

Мария усмехнулась.

— Я тоже этот пиджак знаю. Он уже тяжёлый становится от всех хороших намерений.

Мы начали обсуждать гостей. Оказалось, мать знает несколько семей, которых я ещё не умел связать с лицами. Софья называла своих знакомых. Я записывал, спрашивал и один раз по ошибке объединил двух разных тёток в одного человека. Женщины долго смеялись, потом Мария велела отдать ей карандаш.

На некоторое время мне оставили яблоки. С этой работой я справился лучше.

* * *

В контору мы вернулись к пяти. На столе Софьи лежал запечатанный пакет из представительства. Она прочла сопроводительное письмо, раскрыла перечень и села.

— То самое? — спросил я.

— Да.

Ратманов предлагал прислать ей отдельную договорную работу. Теперь намерение превратилось в три страницы: платежи небольшому поставщику, сверка исполненных поставок, подготовка приложений. Часть записей расходилась с накладными. Заказчик хотел получить заключение до того, как соглашаться на следующий общий расчёт.

Софья читала долго. Я закончил подпись дорожного листа, убрал чертёж, начал складывать второй. Мне было любопытно, но ещё сильнее хотелось узнать, сколько времени этот пакет займёт у нашего завода.

Она подняла глаза сама.

— Я возьму копии домой. Завтра вечером смогу оценить.

— Тут много?

— Прочитать — немного. Понять, где человек дважды включил перевозку, дольше. Ещё нужно увидеть подтверждения.

— Я могу…

Софья ждала. Я посмотрел на её лист.

— Могу сказать, когда меня не будет в конторе. Остальное ты сама лучше знаешь.

Она улыбнулась.

— Доросли до объявления отсутствия. Хорошо.

Мы разложили ближайшую неделю. Часть её времени занимали наши письма и платёжные документы. Несколько операций можно было поручить человеку, который аккуратно переписывает и сверяет номера. Пока Софья выполняла их сама, потому что так надёжнее. Ещё месяц назад этим же словом я объяснял, почему Фёдор должен ехать на каждый ремонт.

— Надо посчитать, во что обойдётся помощник, — сказал я.

— Сначала решить, какую работу ему дадим. Моего будущего заработка у тебя в кассе нет.

Я почувствовал, как покраснел. Именно этого я ещё не сказал, но мысль уже успел примерить: отдельная работа даст ей деньги, значит, часть заводского труда можно оставить как получится. Логика была удобной, пока сидеть по вечерам пришлось бы другому человеку.

— Плату за заводскую работу рассчитаем отдельно, — ответил я.

Софья свернула чужой перечень, завязала тесёмку.

— Приедешь, покажу, что можно передать. И сколько это займёт. У меня есть человек на примете, но сначала сама поговорю.

* * *

Кольцов разложил на верстаке инструмент. Я подошёл к концу приёмки. Митя называл по листу, слесарь показывал, Фёдор отмечал изменения. В поездке требовалось осмотреть хозяйство, снять размеры и понять, можно ли применять наши машины. Половина прежнего ремонтного набора оставалась дома.

— С ними хоть пешком потом можно, — сказал Кольцов, поднимая закрытый ящик.

— Фёдор в мае взял больше, — заметил я.

— Фёдор в мае ещё не знал, что там можно у местного слесаря попросить.

Парень хотел возразить, подумал и засмеялся.

Мы проверили ещё раз, кто ждёт нас у станции, где передадут дорожные расходы, когда можно попасть к действующим насосам. Савельев подошёл с последним чертежом и попросил не возвращаться из поездки с обещанием, которого нет в его графике.

— Предложение привезу, — сказал я.

— Вот и привези.

Уходя, я услышал, как Митя спросил Фёдора, можно ли самому вписать в лист исправленную длину линейки. Парень дал карандаш и остался рядом, пока тот писал. На этот раз никого не пришлось уговаривать оставить заметное исправление.

* * *

Дома мать уже сложила в дорогу хлеб и рубашку. Я поблагодарил, проверил вещи и сел возле неё. Она продолжала чинить чулок, прищурившись на тёмную нитку.

— Ваня, вы всё равно съезжать должны, — сказала она. — Это я понимаю.

Я дождался продолжения.

— Только приходи иногда просто так. Когда у тебя всё хорошо тоже.

— Буду приходить.

Она посмотрела на меня поверх шитья.

— Я не про слово. Ты и сейчас можешь рядом посидеть.

Я остался. На столе лежал дорожный расчёт. Мне было достаточно протянуть руку, чтобы начать его проверять, но мать спросила, какую занавеску Софья показывала вечером. Пришлось объяснять узор. Оказалось, я помню, в какую сторону она хотела повернуть листья.

Мария отложила шитьё и велела нарисовать. Я взял свободный угол бумаги. Получилось что-то, напоминающее насосную улитку с растительностью. Мать посмотрела, засмеялась и достала чистый лист.

— Давай ещё. Софье покажем.

Глава 3. Два покупателя

У станции Кольцов купил две груши и одну отдал мне.

— Дома выдали только хлеб, — объяснил он. — Сказали, остальное по дороге найду.

Я взял. Плод оказался твёрдым, зато помещался в кармане без последствий для жилета. Кольцов уже устроил под лавкой ящик и теперь смотрел на людей, проходивших вдоль вагона.

— В мае вы здесь со Щукиной познакомились?

— Дальше по линии.

— Полезная поездка была.

— Посмотрим, какая эта получится.

Он кивнул и отвернулся к окну. Поезд тронулся. За стеклом проплыли склад, будка, двор с перевёрнутой телегой. Потом город закончился, и Кольцов наконец разрезал свою грушу ножом.

Ехать предстояло вдвоём. Я не стал приглашать Фёдора на прощальную проверку нашего списка. Он принял подготовку вчера, утром ушёл к Савельеву и успел пожелать хорошей дороги, даже не заглянув в ящик. В прежней жизни на такое освобождение человека у меня уходили годы.

Возле Сухореченской станции нас встретил рудничный возчик. Спросил фамилию, сверил с запиской и помог погрузиться. По дороге рассказал, что механик с утра сердитый. Кто-то привёз ему ремень не той длины.

— Мы ремни не везём, — сказал Кольцов.

— Тогда, может, обрадуется.

* * *

Семён Андреевич Громов держал ремень в руках, когда мы вошли в мастерскую. На верстаке рядом лежала линейка. Механик отпустил кожу, поздоровался и сразу показал бумагу поставщика.

— Здесь правильный. Вот здесь нет.

Он ткнул в ремень, повесил его на крюк и предложил умыться с дороги. Лет ему было немного за сорок. Два пальца левой руки разгибались не до конца; кувшин он придерживал правой.

В конторе нас ждали журналы работы водоотлива и копия разрешения на обследование. Громов отвечал за техническую часть, от рудничного управления получил право согласовать осмотр и подписать заключение о фактическом состоянии. Машины собирались покупать через дом. Решение по их цене предстояло принимать после нашего ответа.

— От Зорина письмо было, — сказал он, когда я раскрыл первую тетрадь. — Неплохие ваши насосы, пишет. Только воду сначала посмотреть.

— Правильно пишет.

— Слышал, вы сами туда за запасом бегали.

— Фёдор ходил. В этот раз Фёдора оставили в Беловске. С Кольцовым ездил на Берёзовскую, теперь Степан Денисович знакомые работы ведёт сам.

Механик посмотрел на слесаря внимательнее. Тот спросил, где можно оставить дорожные вещи и кто покажет доступ к машинам. Разговор сразу стал удобнее.

Старый водоотлив рудника состоял из двух разных насосов. Один работал постоянно, второй запускали при ремонте и во время большого притока. На бумаге резерв получался. В мастерской возле запасного вала лежали детали, которые подходили только к первой машине. Громов показал их без стеснения.

— Каждую знаю. Ночью крикни — скажу, что откуда. Слесарь мой тоже знает. А третьего приходится сначала учить, какой год у какой крышки.

Я присел возле привода. Кольцов попросил свет и посмотрел, где стоит человек при обслуживании. За машиной хватало места для снятой части, но дорогу к нему занимал ящик крепежа.

— Давно здесь? — спросил он.

— С прошлой недели.

— А до этого где лежал?

Громов показал на пустую полку. Кольцов измерил проход, записал и пошёл дальше. Переносить чужой ящик ради удобства собственного осмотра он не стал.

Мы прошли путь воды от водосборника до выхода. Часть сведений в присланном рисунке была верной. Возле верхней отметки оказалась ещё одна короткая ветвь, которую в конторской копии сочли несущественной. Громов добавил её сразу, увидев мой вопрос.

— Её потом сделали. Я в своём отметил. Писарь чистовую рисовал по старой.

Я сверил высоты, длины и соединения. Для будущих машин требовалось учесть весь путь. Слово «небольшая» возле ветви мы заменили размерами.

К вечеру у меня имелся понятный рисунок. Наибольший приток оставался самым слабым местом ответа. В журналах стояли часы работы старой машины и отметки уровня, однако одна неделя была записана подробно, а про другую говорилось: «вода прибыла».

— Кто эту неделю помнит? — спросил я.

— Я помню.

— Кроме вас?

Громов позвал старшего смены. Мы сопоставили записи, места, до которых поднималась вода, время непрерывной работы. Карандаш постепенно заполнил пустой край листа. Нам по-прежнему не хватало надёжной верхней оценки, но стало видно, где именно заканчивается наблюдение и начинаются воспоминания.

— Завтра с утра ещё один замер, — сказал Громов. — На водосборнике увидите.

Он назвал условия. Местная смена приготовила действующий резерв, назначила наблюдающих и оставила себе решение немедленно возобновить откачку. Просторный водосборник позволял получить короткий участок наблюдения без опасного подъёма уровня. Мы проверили его размеры, доступные отметки и журнал, потом разошлись ужинать.

* * *

Утром вода пришла спокойнее, чем обещала вчерашняя тетрадь. Громов следил за отметкой, Кольцов держал запись времени. За выбранный отрезок получилось около тридцати семи кубометров в час. Повторное наблюдение дало близкий результат.

Промежуток после сильных дождей мы оценивали отдельно по рудничным записям. Там выходило больше. После подготовки участка по нашему перечню предстояло проверить, сможет ли одна новая машина откачивать эту воду с запасом по подаче. Вторая оставалась резервной. Будущее углубление, о котором управление упомянуло в письме, в это обещание не входило: для него нужны были новые сведения.

— Две рабочие я всё равно смогу включить? — спросил Громов.

— Сможете, если проверим совместную работу в вашей линии. Только тогда резервом останется старая установка. Нельзя одновременно считать один насос и рабочим, и запасным.

Механик усмехнулся.

— Это в конторе любят. У них один человек иногда на двух местах числится, и оба нужные.

Кольцов посмотрел на меня. Я сделал вид, что проверяю запись.

Потребный напор с учётом согласованной линии получался близким к уже освоенному нами режиму. По воде тоже можно было продолжать расчёт: грубый мусор задерживался до приёма, заметного постоянного потока тяжёлой взвеси мы не увидели. В заключении я всё

равно оставил признаки, при которых требовалась новая проверка условий. Покупатель приобретал машину для своего рудника, а не обещание, что земля никогда не изменится.

Старый водоотлив Громов согласился сохранить действующим до завершения ввода и проверки новой пары. Основания, подводы к приводам и местную подготовку он выписал отдельным перечнем. Его люди могли выполнить эту часть сами.

Потом механик спросил:

— На насосе чья надпись будет?

— Нашего завода.

— Дом ваши продаёт. Через год у них здесь другой человек сядет. Мне опять объяснять, что я покупал?

Я посмотрел на ремень, который так и висел у двери.

— Будет завод, город, тип и номер. В документах те же сведения. Запас сможете заказывать по ним.

— У вас напрямую?

— Да. Порядок покупки через дом этому мешать не должен. До договора согласуем.

Громов протянул мне свой экземпляр рисунка.

— Тогда эту строку оставьте. По ремню тоже имя хочу знать. Фамилию того, кто бумагу написал, я уже выучил.

* * *

На Луговой завод приехали к вечеру четвёртого. Здесь пахло глиной, сухой пылью и горячим кирпичом. Вдоль навеса стояли ряды сырых заготовок. Мальчишка с такой серьёзностью охранял их от проходившей собаки, будто ему поручили государственную границу.

Константин Ильич Беляев ждал возле конторы. На нём был чистый светлый пиджак, но сапоги оказались в засохшей глине почти до верха. Он встретил нас вопросом о дороге и тут же показал часы.

— До темноты успеем посмотреть. Утром мне уезжать ненадолго.

— Начнём с места воды, — сказал я.

Беляев повёл к карьеру. По дороге назвал, сколько сырца удалось приготовить в прошлом месяце, и несколько раз сказал, что воду нужно убрать поскорее. Впереди лежал нижний рабочий участок. На дне стояла мутная лужа; по краям темнели следы колёс.

Я остановился возле канавы. С другой стороны двора в неё текла вода, в которой можно было почти различить глину отдельной плотной полосой.

— Это тоже сюда?

— Когда моют. Недолго.

— Насос откуда брать будет?

Беляев показал на удобное место возле дороги.

Кольцов спустился к нему, посмотрел на грязь и поднялся обратно.

— К машине здесь подойти можно, и крышку есть куда снять. А с этой водой надо сначала разобраться, — сказал он.

Я попросил показать водосборник, предусмотренный рисунком. Он находился дальше, за земляной перемычкой. До него не дошла именно та часть канавы, которую при обычном осмотре было легко принять за готовую.

Беляев смотрел на меня настороженно.

— Опять стройка?

— Нужно отделить грунтовую воду от промывочной. И подготовить приём так, как договаривались на рисунке. Иначе наш Н-4Р получит другую среду.

— Он ведь шахтный. Там вода тоже грязная.

Я поднял с земли тонкую палку, провёл по краю потока. На ней остался густой светлый слой.

— На Северной мы смотрели свою воду и предусмотрели износ от песка. Эту глину тем осмотром не проверяли.

Управляющий долго рассматривал палку. Потом подозвал своего механика и велел пройти с нами канавы целиком.

На следующий день выяснили: грунтовую воду можно собирать отдельно по существующему направлению, закончив недоделанную часть. Промывочный сток требовал другого отвода. Для грунтовой воды оставляли отстойное место, доступное для очистки. Рабочий участок и насосное место разделили на рисунке, чтобы будущая подготовка не существовала только в разговоре у грязной палки.

Общий подъём и потери в длинной напорной линии снова выводили нас к области режимов, которую можно было проверить на нашем стенде. Приток здесь менялся вместе с работой карьера и погодой. Одного наблюдения утром было мало; мы прошли прежние записи, отметки и порядок местной смены.

Беляев предложил купить пока одну машину.

— Вторая стоит денег и ждёт.

— А когда первая потребует ремонта?

— Вызову вас.

Кольцов положил перед ним дорожный лист.

— Сегодня из Беловска к вам за один разговор не добраться. Даже если я свободен и сразу сяду в поезд, воду до приезда придётся держать вам.

Местный механик подтвердил. Они начали считать срок, который действительно давал водосборник при принятом верхнем притоке, и время своего переключения. Больше всего Беляева расстроило, что обе цифры принадлежали его же предприятию.

К концу встречи он согласился рассмотреть пару с отдельным резервом. Земляную подготовку и доступ к приводу включил в свой расчёт. Мы договорились, что до начала поставки её готовность подтвердят по согласованному перечню.

* * *

В Беловск вернулись пятого поздним вечером. Кольцов забрал свой узел, пожелал доброй ночи и пошёл домой. Я не предложил ему сначала заглянуть на завод: инструмент был закрыт, важные сведения записаны, утренний приём назначен.

Софья ждала у нашего дома. Держала шляпку в руке и разговаривала с Марией через открытое окно. Увидев меня, вышла к калитке.

— Подходят? — спросила она.

— По осмотру — подходят. Но на обеих площадках ещё надо подготовить места. Два заключения привёз. И одну палку запомнил навсегда.

Она засмеялась и обняла меня. Я прижал её к себе, чувствуя, как устали плечи после дороги.

— Сначала помойся, — сказала Мария из окна. — Про палку потом расскажешь.

За ужином я рассказал об обеих поездках. Софья спросила, что покупатели делают сами, мать — где нас поселили и хорошо ли кормят Кольцова. На последний вопрос я ответил про груши. Мария велела в следующий раз дать ему нормальный свёрток.

Когда остались вдвоём в прихожей, Софья достала из сумки короткую записку: хозяйка на Садовой согласна показать комнаты. Мы договорились прийти с матерью через несколько дней.

Я хотел рассказать про Громова и надпись на насосах. Софья выслушала, посмотрела на пустую бирку дорожного ящика и сказала:

— Теперь главное, чтобы по этому имени можно было получить именно ту деталь, которую человек ждёт.

Я поцеловал её на прощание. Потом перенёс ящик под крышу и оставил на нём записку для утреннего приёма. На обороте написал требование Громова о марке изготовителя. Его следовало включить в разговор с Ведениным раньше, чем мы начнём считать выручку от четырёх машин.

Глава 4. Дерево и часы

Утром шестого августа во дворе стояла новая отливка, и Савельев смотрел на неё так, будто чугун мог испугаться и признаться в недостатках заранее.

Осип привёз её сам. Слез с повозки, смахнул с рукава пыль и раскрыл деревянный ящик с накладками. Лебедев остался в литейной: сегодня там начинали большой чужой заказ.

— Первое смотрели у нас, — сказал модельщик. — Теперь ваше.

Я подошёл к корпусу. Наружная поверхность выглядела непривычно собранной. На старых заготовках оставалось больше тяжёлого металла вокруг мест, которые потом часами выводили резцом. Здесь форма уже ближе подходила к будущему изделию. Утолщённые места для крепления сохранились.

Фёдор положил рядом июльский рисунок. Он получил свою первую проверку новой подготовки и пришёл раньше меня. Корнеев сидел за лёгким столом, сверяя перечень принадлежностей, Митя подавал нужное. Павел только закончил обещанную деталь и теперь мог подойти к пробе на согласованный час.

Савельев сперва осмотрел доступные места. Потом проверил опоры и внимательно прошёл переходы, которые мы меняли на дереве. Я не задавал вопроса, сколько выиграем, пока он не дошёл до конца.

— Здесь зажим оставить можно, — сказал мастер. — Только боковую подкладку по месту приготовим. Старая лежит чуть иначе.

Осип присел рядом, попросил показать. Митя уже схватил карандаш, но Фёдор остановил его руку.

— Сначала увидь, что рисовать.

Парень отступил. Мы поставили корпус на опоры, проверили положение и выбрали место подкладки. Осип отметил его на своей накладке. До обработки предстояли подготовка и проверка самой отливки: красивое дерево не давало права сразу считать металл годным.

Возчик ждал у ворот. Я расписался в получении отливки. Окончательно принять её можно было лишь после обработки и испытания. Он забрал бумагу и уехал. На мгновение во дворе стало тихо.

— Ну, теперь часы доставайте, — сказал Савельев.

* * *

Часы понадобились позднее. Сначала понадобились люди, которым никто не мешает работать.

Пробную подготовку я наблюдал с Фёдором. Мы записывали начало, переходы и причины ожидания. В одном месте мастер три минуты искал подходящий ключ. Я занёс это отдельно. В другом пришлось дольше очистить поверхность. Это время осталось у самой операции.

Савельев заметил мои записи.

— Ключ тоже с корпуса считайте. На следующем он сам не появится.

— На следующем положим заранее.

— Вот когда положите, тогда и вычитайте.

Пришлось оставить. Фёдор с плохо скрытой улыбкой сделал такую же отметку у себя.

Раньше в большом цехе часть этих минут исчезала между участками. Дежурный снабженец приносил инструмент, мастер подготавливал место, а я видел готовую деталь и итоговую трудоёмкость. Здесь Савельев отходил на два шага, и было видно, куда именно уходит наш день.

К середине дня удалось получить подготовленные поверхности для проверки корпуса. Я проверил толщину стенок в доступных местах, где новый наружный контур подходил ближе

к внутренней полости. Рабочую внутреннюю геометрию мы сохраняли. Изменение не должно было отнимать прочность или место, необходимое при ремонте.

Когда отливку предъявили к гидравлической проверке, я невольно задержал дыхание. Память услужливо показала майскую мокрую полоску на третьем корпусе. Здесь поверхность осталась сухой. Савельев провёл повторный осмотр, Фёдор сверил записи. Мы выдержали корпус под давлением положенное время.

Митя стоял возле стола так прямо, словно от его осанки зависела герметичность.

— Плечи отпусти, — сказал Павел. — Ты уже утомился раньше насоса.

— Он ещё не насос.

— Тем более.

К вечеру корпус выдержал то, что требовалось подтвердить на этой стадии. В графике следующего дня оставалась основная обработка. Савельев сам записал, с какой установки начнёт утром.

* * *

Веденин пришёл с обоими заключениями, которые мы передали после утренней сверки. От Сухореченского рудника получили согласие готовить место по уточнённому рисунку. Луговой завод подтвердил разделение стоков и хотел знать цену пары, прежде чем ставить людей на оставшиеся работы.

Мы разговаривали в конторе. Через открытую дверь было видно, как Корнеев проверяет последние записи Мити. Тот написал номер в соседней клетке, сам заметил и теперь спрашивал, как исправить, чтобы осталось понятно.

Веденин перелистал рудничные условия.

— Громов опять про прямой заказ деталей. Он и нам это написал.

— Ему с ними работать.

— Я не возражаю. Только покупка через нас тоже должна оставаться покупкой через нас. Гарантийный вопрос мы первыми получим.

Софья положила перед ним черновик.

— Тогда дом принимает обращение и передаёт изготовителю сведения. Возможность обратиться на завод напрямую тоже сохраняем. За одну и ту же неисправность два счета покупателю не выставляются. Кто отвечает, выясняют по причине.

— А если ваш насос исправен, но люди местные переставили не то?

— Сначала смотрим, что было передано и чему их обучили, — сказал я. — Потом можно говорить про местных людей.

Веденин кивнул. В этом разговоре нам уже не требовалось заново доказывать, зачем вообще покупателю давать доступ к запасу. Оставалось сделать порядок пригодным для конкретной сделки.

Дом хотел получить четыре одинаковых по типу машины. Поставки предназначались двум площадкам, местные работы различались, сроки ввода тоже. Я попросил сохранить это в приложениях. Софья начала раскладывать стоимость.

— Окончательный расчёт завтра, — сказал я. — Сначала завершим пробную обработку. Нужно знать часы, которые собираемся продавать.

Представитель дома посмотрел на отливку за дверью.

— Ради четырёх стоит считать.

— Ради пятой тоже.

Он усмехнулся.

— Тогда завтра. Только ваши следующие пять пока у себя в голове оставьте.

* * *

Седьмого Савельев начал в назначенное время. Павел работал на втором станке; к пробе подходил на те переходы, которые мастер хотел ему показать. Мокшин заглянул ненадолго проверить освоенную операцию и остался смотреть корпус.

Новая отливка действительно обрабатывалась легче. Резец проходил меньше лишнего металла, не требовалось несколько прежних промежуточных движений. В другом месте экономию съела подготовка новой подкладки. Савельев не сердился на результат. Просто записал, что для следующего корпуса её надо иметь готовой.

Я сравнивал с прежними записями и пометками мастера. По отдельной удачной обработке можно было пообещать гораздо больше, чем завод получил бы в повторении. Когда учли всё время, экономия на пересмотренных операциях составила примерно полтора часа на корпус. Ещё требовались сборка, проверки и стенд. Они не стали короче от новой наружной формы.

— Четыре корпуса — шесть часов, — сказал Фёдор.

— Если подготовка повторится, — добавил Павел.

Савельев положил инструмент.

— Теперь похож на токаря.

Логинов усмехнулся, но от рисунка не отвернулся. Мокшин попросил его показать переход, который тот собирался выполнять на арендованной машине. Мы разложили небольшие сменные детали, проверили, какие размеры и закрепление ей действительно доступны. Крупные операции наугад туда не переносили.

Павел взял кольцо и повертел.

— Подготовку на следующий раз тем же порядком оставляем?

Савельев показал очередность, пояснил, какие поверхности сохраняет для следующей установки. Я попросил Фёдора отметить принятый вариант на его листе. Мокшин прикинул доступ и предложил другое положение инструмента, не меняя назначенных размеров. Спор получился рабочим, с настоящей деталью в руках.

Потом Павел вернулся к станку, Фёдор — к записям. Мастер проверил законченную поверхность и впервые за день отошёл от корпуса с довольным лицом.

* * *

К концу смены я смог подписать пробный этап. Корпус оставался нашей заготовкой, уже прошедшей предварительную обработку и испытание. После полного контроля его можно было использовать для первой машины будущей партии. Лебедеву подтвердили оставшиеся девяносто рублей и запросили цену трёх следующих отливок.

Софья свела изготовление четырёх насосов, комплекты и работы на обеих площадках. По предварительному варианту получалось восемнадцать тысяч. Она закрыла книгу ладонью, когда я начал прикидывать остаток.

— Здесь пока цена нашего предложения. Давай расходы ещё раз пройдём.

Мы прошли. Сохранённые на корпусах часы пригодились: позволяли оставить нормальное время на текущую обработку для дома, запас Северной и подготовку людей. Я попытался заполнить ещё один свободный кусок дня мелкой работой, посмотрел на неё, затем убрал в возможные. На этом месте уже несколько раз появлялось то, чего утренний лист не знал.

— Восемнадцать, — повторила Софья после последнего сложения. — С тем составом, который записали. Если захотят ещё, посчитаем ещё.

Вечером Фёдор принёс свой лист. На нём вместо одной общей строки появилось несколько настоящих операций: кто подготавливает, кто обрабатывает, кто принимает. Я просмотрел, спросил о проверке и вернул.

— Завтра нужен на разговоре, — сказал я. — По сборке и запасу ответишь сам.

Парень посмотрел на часы, потом на свою чистую куртку возле двери.

— К девяти?

— К девяти.

Савельев, проходя мимо, пообещал не пускать его к маслу с самого утра. Фёдор засмеялся и унёс лист. На столе осталась принятая отливка, а у меня впервые появились часы для четырёх машин, которые можно было показать покупателю без ссылки на собственную уверенность.

Глава 5. Партия из четырёх

Фёдор пришёл в чистой куртке и первые пять минут не знал, куда деть руки. В цехе они всегда находили дело. У стола Веденина парень один раз взялся за край папки, потом положил ладони на колени.

— Вы с изготовлением уже знакомы, — сказал представитель дома. — Покажите теперь, что человек получает вместе с двумя машинами.

Фёдор открыл свой перечень.

— Рабочий запас. Отдельный защищённый комплект. Инструмент по согласованным операциям. Карты обслуживания и обучение местных.

— За эту цену запас к каждому насосу?

Парень показал строки. Две машины на площадке обслуживались согласованными наборами. Места хранения выбирали с механиком, расход отмечали, пополнение можно было заказывать отдельно. Часть специальных приспособлений оставалась нашим выездным инструментом, если покупатель не приобретал её по дополнительному перечню.

Веденин попросил показать, где заканчивается передаваемое имущество. Фёдор повернул лист и объяснил ещё раз, уже свободнее.

— Вот это у них остаётся. За это при возврате я спрашивать не буду. А здесь наш ящик. По выезду возвращаем и проверяем.

— Хорошо. Значит, не всё, что приехало, входит в восемнадцать тысяч.

— Восемнадцать тысяч за записанное в поставке, — ответила Софья. — В том числе за применение нашего инструмента при предусмотренных работах. Собственность на него отдельно не передаётся.

Веденин улыбнулся, будто именно такого ответа и ждал. Я сидел между ними и вспоминал свой первый разговор о насосах: тогда казалось, главное — суметь изготовить две машины. Теперь вокруг четырёх собиралось гораздо больше вещей, которые тоже требовалось довезти, объяснить и правильно передать.

* * *

Восьмого августа у нас на столе лежал договор поставки торговому дому. Ратмановы приобретали четыре Н-4Р с назначением для двух согласованных покупателей. Свою дальнейшую торговую цену дом определял сам. В наших расчётах оставались восемнадцать тысяч и обязательства Игнатовского завода.

Софья перелистнула первую страницу.

— Тридцать пять процентов после подписи. Шесть тысяч триста. Сорок — по заводской готовности, по три тысячи шестьсот за каждую пару. Двадцать пять — по вводу и приёмке на месте, по две тысячи двести пятьдесят.

Веденин сверил цифры.

— Дом отвечает перед вами за расчёт. Но заводской этап должен подтвердить наш приёмщик, а местный — механик покупателя с представителем дома.

— Кто именно будет приёмщиком? — спросил я.

Он назвал служащего технической службы и пообещал передать полномочия до показа. Фомина оставляли независимым наблюдателем в согласованной части. Его запись не заменяла решение покупателя и не зависела от него.

Готовность первой пары назначили на двадцать третье августа, второй — на шестое сентября. Для ввода оставили отдельные сроки с учётом дороги и местной подготовки. Наши данные по каждой площадке входили в приложение. Насосы одного типа не стирали разницу между рудничным подъёмом и Луговой линией.

Веденин провёл пальцем по дате второго показа.

— Раньше шестого нельзя дать?

Савельев, пришедший к технической части, раскрыл общий календарь.

— Здесь обработка вашего другого заказа. Здесь Северная. И люди на выезде. Если хотите раньше, выбирайте, что меняем.

На минуту стало тихо. Представитель дома рассматривал лист, потом спросил про обычные детали. Мы посчитали их отдельно: материал давал дом, завод получал семьсот двадцать рублей за обработку и предусмотренный контроль. Готовность по этому перечню оставалась к двадцатому августа. Убрать его из расчёта ради красивой насосной даты означало нарушить договорённость по другой работе.

— Шестого, — сказал Веденин. — По срокам годится.

Савельев закрыл календарь и положил рядом с собой. В первый раз на такой встрече он принёс бы его мне. Теперь держал собственное обещание в собственных руках.

* * *

На надписи мы задержались дольше, чем на первой странице.

Дом хотел видеть свою табличку продавца. Я сохранял марку изготовителя. На образце места для двух надписей хватало, но вместе они начинали походить на объявление, которое прибили к машине только потому, что другого свободного забора не нашли.

— Покупателю достаточно знать, у кого купил, — заметил служащий Веденина, прежде молча переписывавший уточнения.

— Громов спрашивал, где брать запас через год, — ответил я.

— Возьмёт через дом.

Веденин поднял ладонь.

— Мы это уже обсуждали. Изготовитель остаётся.

Мы повернули рисунок. Завод, город, тип и номер располагались на основной табличке. Указание продавца закреплялось отдельно. Номер повторялся на документах машины и в нашем учёте. Соответствие сменных частей давалось по принятому обозначению, чтобы через несколько лет не пришлось угадывать изделие по фамилии приказчика.

— «Игнатовский завод», — прочёл Фёдор. — Беловск. Так оставляем?

Я посмотрел на два слова. До апреля видел их прежде всего на бумагах с долгами. Потом на документах двух машин, за которые боялся сильнее, чем за самого себя. Сегодня их собирались прочесть люди, ещё не видевшие нашего цеха.

— Оставляем.

Софья попросила приложить утверждённый вид таблички к комплекту. Служащий переписал. У него на манжете расплылось маленькое чернильное пятно. Он заметил его, нахмурился и продолжил тем же ровным почерком.

* * *

Потом дошли до неприятной части, ради которой хороший договор вообще стоит читать до конца.

Веденин хотел понимать, кто платит за повторную поездку, если местная смена не сумеет выполнить обслуживание. Я хотел понимать, что именно мы должны были ей передать. Софья нашла в черновике общую фразу о любых задержках и положила возле неё отдельный лист.

— Если виноват завод, — сказала она, — он и платит за исправление. Осмотр, нужные части, подтверждённая дополнительная работа. Если причина в невыполненной местной подготовке, фиксируем её и последствия отдельно. Основание надо установить.

— Покупатель будет стоять, пока вы устанавливаете, — ответил Веденин.

— Поэтому для первой приёмки предусмотрен действующий старый водоотлив, — сказал я. — Для дальнейшей работы передаём резерв, запас и порядок действий. Если причина неясна, мы не станем требовать, чтобы машинист продолжал работу до нашего приезда.

Представитель дома посмотрел на рисунок рудника.

— А если вы выясните, что у всей партии одинаковая неприятность?

Фёдор перестал перекладывать листы. Савельев поднял глаза.

— Сообщим, какие машины и детали затронуты, — ответил я. — До следующей отгрузки. По уже переданному согласуем проверку и необходимые действия с механиком. В порядке обращений это тоже укажем.

Веденин не торопился кивать.

— Я спрашиваю про деньги, Иван Алексеевич.

Я посмотрел на стоявшие перед ним шесть тысяч триста будущего аванса.

— Если причина в нашей работе, мы платим за необходимое исправление. Расходы должны быть подтверждены. Поэтому мне нужно видеть, как проверяем, кто сообщает и кто вправе назначить работу.

Софья записала сказанное короче. Потом мы ещё долго разделяли случаи, в которых остановленную машину можно было исправить штатным запасом, и те, где требовалось отдельное решение. Подпись внизу не избавляла ни одну сторону от необходимости разговаривать.

Я поймал себя на неприятном желании быстрее закрыть страницу. Уже час видел готовые четыре насоса, таблички и наш остаток после работ. На столе тем временем обсуждали возможность, при которой часть этого остатка исчезнет.

Софья повернула лист ко мне.

— Прочитай последнюю редакцию.

Я прочёл. Вернул одно упущенное условие о подтверждении расходов, спросил Фёдора про комплект и только потом поставил подпись.

* * *

Савельев ушёл первым: в цехе его ждала настоящая деталь. Фёдор собрал свой экземпляр приложения и задержался у двери, ожидая меня. Софья осталась сверить последние копии.

На улице было жарко. Парень расстегнул верхнюю пуговицу и наконец опустил плечи.

— Когда про всю партию спросил, я подумал, может, не брать, — признался он.

— Почему?

— Выгодно выглядит. А вдруг правда одинаково выйдет плохо?

Я повертел папку в руке.

— Такой вопрос и к двум был. Теперь у нас больше оснований делать. И больше вещей, за которыми нужно смотреть.

— Четыре проверим.

— Проверим. И как изготовили, запишем. Одного номера готового насоса мало, если потом искать, откуда взялось.

Фёдор задумался. У лавки мы остановились, он купил воды, потом попросил у меня карандаш. На обороте черновика начал выписывать, что хотел добавить к своим сборочным листам.

Я не торопил. Через несколько минут он сам заметил, что пишет под солнцем, спрятал лист и засмеялся.

— До цеха дойду. Здесь стола всё равно нет.

* * *

Аванс подтвердили девятого утром. Шесть тысяч триста рублей появились на заводском счёте. Я принёс документ Савельеву, пока тот готовил очередную установку.

Мастер прочёл, затем посмотрел на меня.

— Теперь Лебедеву подтвердим три оставшихся корпуса. Первый уже у нас.

— Подтвердим. Софья готовит оплату по этапам.

Он вернул бумагу и позвал Павла. Через несколько минут они стояли над обычным заказом, который дом давал из своего материала. Деньги насосной партии не заставили этот металл исчезнуть со станка.

Я прошёл к Фёдору. На стене возле его стола висели четыре подготовленных листа. Номера до окончательной маркировки обозначили как места первой и второй пары, чтобы не спутать изделия при распределении работы. Рядом оставалось место для сведений о запасе.

— По каждой детали всё не поместится, — сказал он.

— Отдельные листы сделаем. Здесь нужно находить их, а не переписывать весь цех.

Корнеев попросил показать, какой записью будет отличаться выданное на сборку от уже переданного покупателю. Фёдор сел возле него, Митя принёс чистую бумагу. Я видел, как Пётр проверяет выбранное обозначение на одной настоящей коробке, и порадовался, что с порядком выдачи они разберутся ещё до сборки первого насоса.

Софья вышла из конторы с банковским подтверждением и письмом Лебедеву.

— Сегодня ещё к Надежде Петровне успею, — сказала она. — Если примет предложение, завтра познакомлю.

Я прочёл письмо, подписал. Она убрала его в папку и задержалась.

— Рад?

— Рад.

Софья улыбнулась.

— Тогда вечером скажи маме сам. Пусть услышит, пока ты не успел сосчитать все причины тревожиться.

Она ушла, а я остался возле четырёх листов. За стеной работали станки, в проходе Савельев объяснял Павлу следующее закрепление. Можно было пройти по цеху и увидеть почти всё, из чего вырастет наш новый заказ. Остального пока не существовало. Для него следовало заказать металл, дождаться отливок и отдать каждому человеку его время.

Глава 6. Место за столом

Надежда Петровна Рябинина первым делом спросила, когда здесь обедают.

Софья показала на часы.

— Вы до обеда. Три дня в неделю, как обсудили.

— Тогда хорошо. Мне после двух к сестре. Она лавку держит, я у неё после обеда с детьми сижу. Если здесь надо будет дольше, заранее говорите.

Она поставила на стул потёртую сумку и достала очки в плотном чехле. Была невысокой, с гладко убранными волосами и очень спокойными движениями. Папку брала обеими руками, словно прежде всего боялась что-нибудь рассыпать.

Софья представила нас. Надежда Петровна поздоровалась, посмотрела на мои руки и спросила, кому показывать готовое.

— Сначала мне, — ответила Софья. — Если меня нет, сложите в это место. Подпись владельца вот здесь. Самим за него ничего не отмечать.

Я отодвинул с края стола чертёж. Новый человек занимал место, на котором ещё вчера удавалось оставлять всё, что не хотелось разбирать сразу.

За переписку, сверку обозначений и раскладку подтверждённых бумаг мы договорились платить двадцать рублей в месяц при оговорённом времени. За август платили со дня выхода на работу. Решения по цене, обязательствам и выдаче денег у Надежды Петровны не появлялись вместе с очками.

Она прочла запись, спросила о днях оплаты и показала на одну строку.

— А что такое «комплект принят»?

Фёдор, проходивший мимо двери, остановился. Софья объяснила разницу между принятым на складе имуществом и принятым покупателем результатом работы.

Надежда Петровна некоторое время смотрела на одинаковые слова.

— Тогда я буду весь номер листа писать. По одному этому не разберусь.

— Пишите, — сказала Софья.

Фёдор остался показать настоящие документы. На его лице появилось знакомое удовольствие человека, который умеет объяснить нужное. Он принёс небольшую коробку, разложил два листа и сразу спросил, можно ли поставить железо на свободный край.

Надежда Петровна подвинула свою сумку на пол.

— Здесь можно. Только чернила не опрокиньте.

* * *

В тот же день Софья приняла отдельную работу, предложенную домом. Объём ограничила сверкой конкретных поставок и подготовкой расчёта по указанному периоду. Дальнейшую постоянную службу пока не обещала. За выполненную работу полагалось пятьдесят рублей по согласованному порядку; первую часть она получала после передачи начального результата.

Я услышал эти условия, когда она попросила освободить ей две половины дня для встреч и проверки подтверждений. Сам чужой расчёт остался у неё в папке.

— Мне не нужно читать? — спросил я.

— Мои дни здесь видны. Остальное по чужому делу. Если там окажется наш завод, эту часть я брать не буду, передам другому человеку.

Я поправил время в общем листе. Софья посмотрела, потом взяла карандаш и добавила ещё полчаса дороги.

— Вот теперь видно.

— Я всё ещё считаю, будто ты в соседней комнате.

— Я заметила.

Она ушла к Надежде Петровне объяснить последние папки. Через некоторое время надела шляпку, забрала свои копии и вышла. Я проводил её до калитки. Она поцеловала меня в щёку, затем повернулась к улице таким деловым движением, что прощальный разговор закончился сам.

Возвращаясь, я встретил Савельева. Мастер держал новую небольшую заготовку.

— Ушла?

— На свою работу.

— Хорошо. Тогда эту подпись вы поставьте, а то я у неё уже с утра спрашивал, когда свободна.

Никакого особого повода для волнения цех не обнаружил.

* * *

Проблема возникла у счёта на перевозку, который принёс посыльный. В нём значились два места. В моей памяти прибыло одно. Я уже потянулся спросить Софью, но соседний стол оказался пустым.

Надежда Петровна подняла голову.

— По какому дню?

Я назвал. Она достала папку, медленно просмотрела корешки и нашла приёмный лист. Второе место относилось к общему грузу Лебедева и Мартына. Нашу долю перевозки следовало считать по согласованной части, а не по всему счёту.

Я принёс свою копию общего листа. Мы сопоставили записи, нашли нужное подтверждение. Посыльный сначала настаивал, что ему велели получить указанное целиком. Потом внимательно посмотрел на фамилии и признал: бумагу дали ему одну, а заходить предстояло к троим.

Расход по нашей доле я разрешил, остальные документы отправил дальше с запиской. Надежда Петровна отметила, куда уехал оригинал, и подложила под копию маленький лист.

— Я так делаю, когда нужно потом вернуть, — сказала она. — Иначе останется пустое место, а я не вспомню, кто унёс.

У неё не было ни моего инженерного опыта, ни Софьиной привычки видеть спорный договор с первой страницы. Зато она спокойно сделала работу, ради которой мы сажали её за стол. Я попросил оставить такой же порядок для остальных уходящих оригиналов.

После обеда в контору пришёл Павел с вопросом по подтверждённой операции. Я смог прочесть его запись целиком, потому что между нами не стояли три одинаково срочных посетителя. Мы выбрали время приёмки, он вернулся к станку. Надежда Петровна уже ушла к сестре. На её столе лежала ровная стопка с короткими закладками.

Когда Софья вернулась, я рассказал о перевозке. Она просмотрела подтверждение, поправила одно обозначение на копии и села к своему расчёту. Я с неожиданным удовольствием вернулся в цех: за день мы успели поработать без нескольких привычных вопросов друг к другу.

* * *

Комнаты на Садовой смотрели десятого.

Мы пришли вчетвером: Софья, её отец, Мария и я. Хозяйка верхнего этажа открыла дверь, предупредила про высокую ступень и провела в общую комнату. Здесь было сухо. Солнце лежало на полу длинной полосой, за окном шелестела старая липа. От соседнего двора доносился стук сапожного молотка.

Вторая комната была меньше. За ней находилась узкая светёлка с отдельным окном. Прежние жильцы держали там сундуки и развешивали бельё. Теперь в углу стояла пустая этажерка, на стене сохранились следы гвоздей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.